

П.АБЕЛЯР

Христианин. После обращения в нашу веру многих философов ни тебе, ни потомкам нельзя сомневаться в ней, и, по-видимому, нет нужды в столь горячем споре, так как в мирских науках вы во всем доверяете авторитету этих философов; но все же пример их не побуждает вас к вере, хотя вы и говорите [вместе] с пророком: "Мы не лучше, чем отцы наши".

Философ. Мы не настолько полагаемся на их авторитет, чтобы не обсуждать при помощи разума их высказывания, прежде нежели согласиться с ними. Иначе мы перестали бы философствовать, а именно, если бы, отбросив исследование разумных доводов, мы более всего пользовались авторитетными высказываниями, которые являются простейшими, совершенно не касающимися сути дела и заключающимися больше в утверждениях, нежели в истине, мы могли бы поверить, что и сами наши предки не были склонены к исповеданию вашей веры при помощи доводов разума, а что они были побеждены силой, с чем согласуются и ваши предания. Ведь прежде чем были обращены к вере вашей, как вы говорите, посредством чудес императоры и знать, ваша чистота завоевала из числа мудрецов лишь немногих или совсем никого, хотя тогда народы легко могли быть вырваны из совершенно явных заблуждений идолопоклонства и приведены хотя бы к какому-нибудь культу единого бога.

Поэтому ваш Павел в своем послании к афинянам предусмотрительно говорит вначале так: "Афиняне! По всему вижу я, что вы как бы особенно склонны к предрассудкам" и т. д. Ведь уже тогда исчезло знание естественного закона и божественного культа, и множество заблуждающихся совершенно уничтожило и подавило малое число мудрецов. Говоря по совести и подтверждая немалую пользу христианской проповеди, мы не сомневаемся в том, что именно благодаря ей всего более тогда было уничтожено идолопоклонство.

Христианин. Прибавь к этому и то, что, как это ясно, и естественный закон, и совершенство нравственного учения, которым, как вы говорите, вы только одни и пользуетесь и которое, как вы верите, является достаточным для спасения, были пробуждены или, вернее, даны тем, кем, как истинной мудростью, то есть премудростью бога, были наставлены все те, коих должно назвать истинными философами.

Философ. О, если бы ты мог доказать, как ты говоришь, то, что вы являетесь логиками, вооруженными разумными словесными доводами от самой, как вы говорите, высшей мудрости, которую по-гречески вы называете логосом, а по-латински словом божьим! И не дерзайте предлагать мне, несчастному, известное спасительное прибежище Григория, говорящего: "Та вера не имеет цены, коей человеческий разум предоставляет доказательства". Ибо ведь те у вас, которые не в состоянии обосновать воздвигаемую ими веру, для оправдания своего невежества тотчас же прибегают к этому изречению Григория.

А оно, соответственно их мнению, не означает ли того, что мы должны быть удовлетворены любыми высказываниями о вере, равно как здоровыми, так и глупыми? Ведь если разум не допускается к обсуждению веры для того, чтобы она не утратила своего значения, а также к обсуждению того, во что надлежит верить, и если тотчас же должно соглашаться с тем, что провозглашается, то сколько бы заблуждений ни насаждала проповедь, ничего нельзя сделать, потому что нельзя ничего опровергнуть при помощи разума там, где не дозволено применять разум.

Утверждает идолопоклонник о камне или бревне или каком-либо творении: это — истинный бог, творец неба и земли. И какую бы явную глупость он ни высказал, кто в состоянии опровергнуть его, если разуму совсем не дозволено рассуждать о вере. Ведь уличающему его,— и, скорее всего христианину,— он тотчас же противопоставит то, что сказано выше: "та вера не имеет цены..." и т. д. И тотчас же христианин смутится в самой своей защите и должен будет сказать, что вовсе не должно слушать доводов разума там, где он сам совершенно не разрешает их применять и совершенно не позволяет себе открыто нападать на кого-либо в вопросах веры при помощи разума.

Христианин. Как говорит величайший из мудрецов, такими и оказываются в большинстве случаев доводы разума, то есть высказанными разумно и соответствующим образом, хотя на

самом деле они вовсе не таковы.

Философ. Что же сказать о тех, кто считается авторитетами? Разве у них не встречается множества заблуждений? Ведь не существовало бы столько различных направлений веры, если бы все пользовались одними и теми же авторитетами. Но, смотря по тому, кто как рассуждает при помощи собственного разума, отдельные лица избирают авторитеты, за которыми следуют. Иначе мнения всех писаний должны были бы восприниматься одинаково, если бы только разум, который естественным образом выше их, не был бы в состоянии судить о них. Ибо и сами писавшие заслужили авторитет, то есть то, что заставляет им немедленно верить, только благодаря разуму, которым, по-видимому, полны их высказывания.

По их собственному суждению, разум настолько предпочитается авторитету, что, как упоминает ваш Антоний, поскольку потребность человеческого разума явилась изобретателем письменности, последняя менее всего нужна тому, у кого эта потребность совсем не развита. В любом философском обсуждении авторитет ставится на последнее место или совсем не принимается во внимание, так что вообще стыдятся приводить доказательства, проистекающие от чьего-либо суждения о вещи, т. е. от авторитета. Те, которые полагаются на свои собственные силы, презирают прибежище чужой помощи. Поэтому правильно философы признали, что подобные доказательства, когда к ним принужден прибегать скорее оратор, нежели философ, являются совершенно внешними, устраненными от существа вещи, лишенными всякой силы, поскольку они заключаются

скорее в мнении, нежели в истине, и не требуют никаких ухищрений ума для того, чтобы отыскать собственные доказательства, и что тот, кто приводит их, пользуется не своими словами, а чужими.

Поэтому и ваш Боэций, объединяя в своих "Топиках" изречения как Фемистия, так и Цицерона, говорит: "В суждении о вещи те доказательства, которые представляют как бы свидетельства, иной раз лишены искусства и не связаны совершенно с существом и, по-видимому, относятся не к сущности вещи, а к высказыванию". Опять он же говорит об этом, следуя Цицерону: "Для них остается то положение, которое они называют взятым извне. Оно опирается на суждение и авторитет и является лишь вероятным, не заключая ничего необходимого".

Абеляр П. Диалог между философом, иудеем и христианином // Абеляр П. История моих бедствий. М., 1959. С. 100—103